

А.Б. ГОФМАН

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТРАДИЦИИ, ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Издавна социальные мыслители считали и продолжают считать, что в модернизирующихся и модернизированных обществах происходит процесс детрадиционализации. Однако в последние годы, в связи с ростом популярности идеи множественности модернизаций и модернов¹, все больше утверждается точка зрения, согласно которой традиции следует рассматривать не только как препятствие на путях модернизации или, точнее, модернизаций, но и как их фактор, элемент и условие.

Об этом свидетельствует, в частности, изданный в Великобритании сборник «Детрадиционализация» (1996), ряд авторов которого, вопреки его заглавию, как раз и заняты тем, что доказывают отсутствие детрадиционализации или даже наличие «ретрадиционализации» в современных обществах². В частности, один из них, Джон Томпсон, достаточно убедительно показывает, что в современных обществах происходит не детрадиционализация, а *изменение* роли традиций, связанное с их делокализацией и медиатизацией, и что картина в данном отношении гораздо более сложна³.

Гофман Александр Бенционович – доктор социологических наук, профессор, профессор Государственного университета – Высшая школа экономики (Москва).

---

¹ См.: *Eisenstadt S.K.* Multiple Modernities // *Daedalus. Multiple Modernities*. Vol. 129. No 1. Winter 2000. P. 1-29; *Вишневский А.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; *Опыт российских модернизаций XVIII–XX веков* / Отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000.

² См.: *Detraditionalization. Critical Reflections on Authority and Identity* / Ed. by P. Heelas. S. Lash and P. Morris. Cambridge (Mass.); Oxford, 1996; *Adam B.* Detraditionalization and the Certainty of Uncertain Futures // *Ibid.* P. 139.

³ См.: *Thompson J.B.* Tradition and Self in a Mediated World // *Detraditionalization. Critical Reflections on Authority and Identity* / Ed. by P. Heelas. S. Lash and P. Morris. Cambridge (Mass.); Oxford, 1996. P. 89-108.

Томпсон выделяет четыре аспекта традиции: «герменевтический» (передаваемая индивидами от поколения к поколению интерпретативная система, способ понимания мира), «нормативный», «аспект легитимации» и «аспект идентичности». Основываясь на этом различии, он обосновывает следующие положения⁴.

1) с развитием обществ модерна наблюдается последовательный упадок традиционного основания действия и власти; иными словами, уменьшается значение «нормативного» и «легитимационного» аспектов традиции;

2) однако в других отношениях она сохраняет свое значение: в качестве средства придания смысла миру («герменевтический» аспект) и способа создания чувства принадлежности («идентификационный» аспект);

3) хотя традиция сохраняет свое значение, она испытывает серьезные трансформации: передача символических форм, включающих традиции, все больше отрывается от социального взаимодействия в общих местах обитания. Традиции не исчезают, но они перестают прочно «пришвартовываться» (*lose their moorings*) к общим местам повседневной жизни;

4) отрыв традиций от этих мест не означает, что они свободно несутся куда угодно; наоборот, они сохраняются, только если непрерывно вновь внедряются (*re-embedded*) в новые контексты и пришвартовываются к новым территориальным единицам.

В настоящее время происходит процесс, который можно назвать *модернизацией традиционности*. Если в традиционных обществах доминируют инерция, следование заветам предков, *традиции-привычки*, которые 1) установлены раз навсегда, более или менее неизменны и однозначны, 2) интерпретируются специальными хранителями традиции (жрецами, священниками, правителями), то теперь они а) подвижны, б) свободно интерпретируются самими разнообразными социальными субъектами⁵. Наряду с традициями-привычками, воспроизводящими некогда установленный порядок вещей, появляются другие виды традиций: традиции-реставрации, традиции-реконструкции, традиции-ностальгии, традиции-утопии, традиции-революции и т.д. Но дело не только в изменении сущности традиций, их структурной дифференциации, но и в изменении их функциональной роли, роли традиционности как таковой. Во всех аспектах и функциях — ценностно-нормативной, герменевтиче-

---

⁴ См.: *Thompson J.B. Tradition and Self in a Mediated World // Detraditionalization. Critical Reflections on Authority and Identity / Ed. by P. Heelas, S. Lash and P. Morris. Cambridge (Mass.); Oxford, 1996. P. 91-94, etc.*

⁵ См.: *Giddens A. Living in a Post-Traditional Society // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge, 1994. P. 105, etc.*

ской, легитимирующей и идентификационной — у традиции появляются конкуренты: заимствованные традиционные, нетрадиционные, инновационные формы социального действия, социальной регуляции и саморегуляции, выполняющие те же функции.

Из вышесказанного следует, что в настоящее время, в связи с процессами глобализации, информатизации, развития средств коммуникации, расширяется диапазон отбираемых и актуализируемых традиционных культурных образцов различных обществ. Усиливается их подвижность, интенсифицируются процессы взаимообмена, заимствования, диффузии. Интенсифицируются не только инновации, но и процессы их традиционализации. Происходит «делокализация» и «детемпорализация» традиций, их отрыв от фиксированных пространственных и временных рамок. При этом постоянное движение традиционных образцов происходит не только от «центра» к «периферии» мировой системы, но и в обратном направлении. Традиции и инновации сегодня образуют неразрывное единство: они превращаются друг в друга и не могут существовать друг без друга, так же как без культурных заимствований, диффузии, моды, туризма, самых разных форм глобализации и информатизации.

Сегодня в большей степени, чем когда-либо, традиции являются объектом выбора, интерпретации и актуализации; индивиды и социальные акторы выбирают не только свое настоящее, не только свое будущее, но и прошлое⁶.

Традиционные культурные образцы нередко содержатся внутри самых разных инноваций. Зачастую традиции выступают в качестве своего рода оболочки инноваций, и наоборот. Происходит традиционализация тех явлений, которые раньше считались нетрадиционными или антитрадиционными. В частности, утопии перестали быть сугубо инновационными и «футуристскими» явлениями: в современную эпоху чрезвычайно важную роль играют традиционалистские утопии и традиционалистское прожектерство. С другой стороны, религиозный и этнический фундаментализм, выступающий от имени традиции, в действительности нередко представляет собой радикальную инновацию.

В сегодняшней России взаимодействие традиций и инноваций приобретает особенно сложный, неоднозначный и запутанный характер вследствие известных исторических событий, пережитых и переживаемых страной на рубеже второго и третьего тысячелетий. Чрезвычайно трудно и вместе с тем необходимо ответить на ключевые вопросы относительно социокультурного характера происходящих изменений. Озна-

---

⁶ Гофман А.Б. Традиция // Культурология. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 721.

чает ли постсоветское разрыв с советским или это «прошлое, которое не проходит»? Что происходит: инновация, становление новой системы, отказ от советского строя или же его фасадное обновление, консервация и реставрация?

Результаты серьезных и политически не ангажированных исследований дают возможность увидеть, что кризисные явления и упадок в социально-экономической, политической и культурной жизни страны начались и получили развитие задолго до «перестройки», «радикальных» реформ и распада Советского Союза. Вопреки бытующему поверхностному представлению, реформы были не причиной, а следствием глубокого, затяжного и тотального кризиса советской системы и попыткой, причем запоздалой, ответа на него. Аномия, возникновение которой нередко связывают с постсоветским периодом, в действительности была характерна для всей советской эпохи, то обостряясь, то слегка ослабевая. Если и уместно использовать понятие аномии применительно к современному российскому обществу, то следует иметь в виду, что она характерна для гораздо более длительного периода его истории.

Опора на традицию многими сегодня рассматривается как средство преодоления аномического состояния российского общества. Оценки современной российской ситуации в отношении роли в ней традиционного начала в целом и отдельных традиционных форм различаются весьма существенно. В общем виде мы обнаруживаем в данном отношении несколько позиций, одновременно исследовательских и социально-политических⁷.

1) постсоветская Россия основана на радикальном разрыве с советской социокультурной системой и одновременно ориентирована на возврат к дооктябрьским ценностям России, «которую мы потеряли», понимаемым при этом достаточно разнообразно и широко. Речь идет о петровской или допетровской Руси, православии, царизме, ценностях Февральской революции и т.д.;

2) согласно другой точке зрения, постсоветская Россия – прямое продолжение или воспроизведение советской. Это проявляется в ряде аспектов: от сохранения и воспроизводства советской номенклатурной элиты до возрождения и консервации прежних советских культурных образцов, социальных институтов и ритуалов;

---

⁷ Подробнее об этом см.: *Гофман А.Б.* От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008. Гл. 1.

3) наконец, третья точка зрения основана на представлении о том, что и в массовом сознании и в сознании властвующей элиты присутствуют некие культурные константы, традиции-архетипы, заложенные в российской ментальности, которые фатально и однозначно детерминируют особенности всей российской, в т.ч. постсоветской, истории. Здесь мы встречаемся с одной из главных разновидностей трактовок традиций, а именно социокультурных генов, генотипов, архетипов или эйдосов.

Необходимо отметить, что обращение к различным формам традиции и традиционализма, рост ностальгии по прошлому, наблюдаемые в постсоветской России⁸, характерны отнюдь не только для нее; они присутствуют во всех посткоммунистических странах, включая те, что вступили в Евросоюз. Это убедительно демонстрируют результаты ряда сравнительных исследований. Более того, усиление традиционализма характерно не только для посткоммунистических, но и для всех обществ, переживающих или переживавших фундаментальную трансформацию. Это относится и к западноевропейским обществам конца XIX – начала XX в.: Германии, Франции, Италии, – в которых проблема формирования и (или) укрепления национальных государств и национальной идентичности в это время приобрела особую актуальность. Именно в это время, как демонстрируют исторические исследования, в этих обществах наблюдается наиболее активный процесс «изобретения», конструирования, возрождения, пропаганды разного рода традиций, ритуалов, строительство памятников и т.п.⁹

В целом в современной России ситуация с традициями и инновациями, их взаимодействием, отношением к ним со стороны интеллектуалов и власти отличается чрезвычайной неопределенностью, многозначностью, амбивалентностью, синкретизмом. Это касается и собственно традиционных ориентаций и инновационных, взаимоотношений внутри них и между ними. Происходит своего рода борьба за традиционность, точнее, за придание статуса традиционности тем или иным культурным образцам. С другой стороны, ряд исследователей подчеркивают осознанное и неосознанное влияние различных традиционных образцов на поведение современных россиян, которое получило название «зависимость от тропы»

---

⁸ Дубин Б. Прошлое в сегодняшних оценках россиян // Мониторинг общественного мнения. № 5 (25). Сентябрь–октябрь 1996. С. 28–34; Левада Ю. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения. № 6 (62). Ноябрь–декабрь 2002. С. 7–13; Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004.

⁹ Hobsbawm E. Mass-Producing Traditions: Europe, 1870–1914 // Hobsbawm E., Ranger T. (eds). The Invention of Tradition. Cambr., etc., 1983. P. 263–307.

(«path dependency»): институциональной, ценностно-нормативной и прочей¹⁰. Учитывая относительную длительность и силу влияния советского строя, эта «тропа» в сегодняшней России значительно глубже и длиннее, чем в других посткоммунистических странах. Отсюда и более высокая степень зависимости от нее и большие трудности ее преодоления.

Имеют место расхождение и соперничество между различными интеллектуальными группами и политическими силами за прошлое, за его интерпретацию, за отбор определенных традиций, за коллективную память и коллективные воспоминания. Часто это элемент борьбы за содержание и характер реальных и потенциальных инноваций, стремление в прошлом найти обоснование теперешних устремлений.

Отмеченная ситуация неопределенности и амбивалентности связана с тем, что соперничество интерпретаций, воспоминаний и проектов далеко не завершено и его исход пока неясен. В сущности, речь идет о соперничестве за утверждение определенных ценностей и культурных образцов, которые имеют традиционное и инновационное измерения. Борьба за прошлое становится составной частью борьбы за настоящее и будущее.

С одной стороны, имеет место утверждение одних традиционных образцов и отбрасывание других, с другой — борьба за определенные интерпретации одних и тех же традиционных культурных образцов между различными политическими силами и идейными течениями. При этом происходит не столько «изобретение» традиций, сколько именно их выбор из определенного репертуара культурных образцов. Последние при этом не обязательно являются «чисто» или уникальными российскими, как это было и в прошлом России, как это происходит с любой другой культурой, будь то британская, французская или какая-то еще.

Происходит традиционализация некоторых культурных образцов, которые начали формироваться уже в постсоветский период. С другой стороны, нередко производится *реинтерпретация* новых образцов, которым приписываются вполне традиционные, почерпнутые из прошлого значения. В результате нередко инновационная оболочка скрывает внутри себя традиционное содержание.

Отмеченные амбивалентность и синкретизм социокультурной ситуации современного российского общества в определенном смысле и в определенных пределах нормальны и позитивны; они могут служить при-

---

¹⁰ *Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. Vol. 65. No 1. February 2000. P. 19-51; *Ядов В.А.* Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций // *Россия реформирующаяся*. Ежегодник. Вып. 6 / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2007. С. 17.

знаком и фактором демократического плюрализма и терпимости, неся с собой возможности различных вариантов дальнейшего развития. Отчасти они играют интегративную и стабилизирующую роль, так как в подобной ситуации каждый социальный субъект находит для себя нечто приемлемое или близкое для себя. Тем не менее они не могут избавить от необходимости выбора между различными традициями при формировании различных проектов, в т.ч. инновационных. Попытки же уйти от этого выбора чреватy серьезными опасностями.

В сущности, имеет место не только «зависимость от тропы», но и от того, что можно назвать «зависимостью от выбора тропы» («path choice dependency»). Этот выбор неизбежен, учитывая, что «тропа» не одна и от этого выбора прошлого зависит настоящее и будущее страны.

Одним из аспектов рефлексивной модернизации в российском обществе сегодня должна стать *рефлексивная традиционность*, предполагающая постоянное осмысление и анализ роли традиций и традиционности, их взаимодействия с инновационными процессами, понимание их сложности и неоднозначности.

Следует подчеркнуть, что популярность различных форм традиционализма, апелляция к ним в сегодняшней России чаще всего означают реальную слабость традиций и традиционных начал в обществе, попытку таким образом компенсировать эту слабость. Символические, ритуальные, медийные средства традиционализации призваны актуализировать или сконструировать реальные традиционные начала. В принципе с социологической точки зрения такого рода средства вполне «нормальны» и функциональны. Проблема однако в том, что слишком велик разрыв между театрално-медийными традиционными формами и реальными социально-политическими и прочими практиками, не позволяющими этим формам восприниматься всерьез социальными акторами, а потому поверхностным и заведомо недолговечным. Основная масса населения наблюдает эти попытки властей со стороны, воспринимая их как своего рода спектакль и ожидая, чем он кончится. Повторяется ситуация советского застоя с его идеологическими мифами, усиленно пытавшимися воспитывать неразумных советских граждан на революционных, трудовых и боевых традициях, но вызывавших у подавляющего большинства населения, не только «воспитуемых», но и у самих «воспитателей», либо иронию, либо раздражение, либо привычную апатию. Вопреки мнению некоторых нынешних российских идеологов, эффективность идеологической работы КПСС в общем была весьма низкой; даже этот низкий уровень обеспечивался только благодаря насилию и закрытости общества. Неудивительно, что как только исчезли факторы насилия и за-

крытости, вместе с Советским Союзом рухнули и плоды многолетнего массированного промывания мозгов.

Тем не менее следы этого длительного воздействия пока сохраняются в форме ностальгии по прошлому, главным образом в старших возрастных группах со сравнительно низким уровнем образования. Необходимо иметь в виду, что, как и всякая ностальгия, она неизбежно заканчивается. Потребность же в опоре не на бутафорские, а на подлинные и действенные традиционные принципы сохраняется и сохранится в дальнейшем. Эта потребность должна удовлетворяться, так как она представляет собой своего рода социальный императив. В настоящее время она безусловно, так или иначе, удовлетворяется религиозными институтами. Кроме того, важное место занимают властно-символические и медийно-символические средства традиционализации, обращение к истории, апелляция к славному прошлому страны, далекому и близкому. Однако, следует еще раз подчеркнуть, очевидно театральный и искусственный характер этих средств, не опирающихся на спонтанные и подлинные гражданские практики, не являющихся эффективным, особенно в более или менее долгосрочной перспективе.

Важное значение для понимания теперешних российских реалий имеет анализ «больших» и «малых» традиций, их взаимодействия, взаимопроникновения и взаимовлияния. Различение этих двух типов традиций, как известно, принадлежит известному американскому социологу и социальному антропологу Роберту Редфилду. «Большие» — это традиции рефлексирующего меньшинства, «малые» — традиции почти нерекфлексирующего большинства. Первая культивируется в школах или храмах, последняя действует сама по себе и в наиболее чистом виде сохраняется в деревенских общинах¹¹.

Редфилд в определенном смысле порывает с идущей от Вебера интерпретацией традиции как простой привычки, неосознанно влияющей на поведение. В его истолковании и малая и большая традиции оказываются одинаково важными и необходимыми элементами культуры, активно взаимодействующими друг с другом. Выделение малой традиции в том смысле, который придал ей Редфилд, связывает ее с другими, не менее важными «малыми» элементами культуры, такими как малое сообщество, малое пространство, малая родина, малая инновация и т.д. В такой интерпретации нормальная культура выступает как совокупность таких «малых» элементов, более или менее гармонично взаимодействующих

---

¹¹ См.: *Redfield R. Peasant Society and Culture (1956) // Redfield R. The Little Community and Peasant Society and Culture. Chi.—L., 1973 (10th impr.). P. 40-59.*

между собой. Без этих элементов никакая «большая» традиция и «большая» культура, какими бы великими они ни были, не способны создать нормальное общество.

Идеи Редфилда в высшей степени актуальны для России. Именно здесь ситуация с «малыми традициями» носит особенно удручающий характер и является источником многих больших социальных проблем. Эти идеи перекликаются с теорией «малых дел» конца XIX в. и идеей «малой родины». В свою очередь, призыв Александра Солженицына к «демократии малых пространств» обнаруживает свою близость к теории американского антрополога.

Именно в культивировании, выращивании, возрождении «малых» традиций заключены основные возможности спонтанного развития элементов подлинной демократии, гражданского общества и самоуправления. Вообще, досоветские культурные образцы, вследствие понятных причин, могут носить главным образом теоретико-идеологический характер, т.е. принадлежать к «большой традиции».

Учитывая отмеченные выше процессы «модернизации традиционности», а также особенности исторического развития России, для которого характерны постоянные и драматические разрывы и ломки социокультурной преемственности, и «большие» и «малые» традиции (их поддержание, культивирование, конструирование, реконструирование и т.д.) в настоящее время возможны главным образом либо *благодаря* социокультурным инновациям, либо *в качестве* таких инноваций.

Как уже отмечалось, если значение нормативной и легитимизирующей функций традиции в современных обществах уменьшается, то роль герменевтической и идентификационной функций остается весьма существенной. Остановимся специально на той роли, которую традиция играет в формировании, сохранении и укреплении различных форм социальной и групповой идентичности. Очевидно, что их значение, особенно национальной идентичности, для современной России особенно велико. Впрочем, это относится ко многим европейским странам, причем не только к посткоммунистическим, но и к другим.

В настоящее время идентичность из рядового научного термина, ставшего популярным в науке прежде всего благодаря выдающимся трудам Эрика Эриксона, превратилось в важнейшую мировоззренческую категорию, в один из основных элементов программ и лозунгом ряда социальных движений. Правительства некоторых стран целенаправленно осуществляют специфические «идентитарные стратегии» и «политики идентичности». Сегодня значение понятия идентичности можно сравнить с тем, которое раньше имели понятия класса или социального равенства.

Неслучайно во Франции существует министерство с характерным названием «Министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и солидарного развития»¹². Министерство, в частности, развернуло в стране большую дискуссию о национальной идентичности (*Grand débat sur l'identité nationale*), продолжающуюся и теперь¹³.

Идентичность предполагает признание и утверждение автономии и специфических особенностей индивида и (или) общества (группы и т.п.), их легитимности и самооценности. Она имеет два аспекта: «внешний» и «внутренний». По отношению к внешнему окружению группы конструирование идентичности предполагает тенденцию к установлению групповой границы, дифференциации, отличию; последние служат основанием утверждения коллективной автономии. Внутри группы в данном случае она стимулирует сплоченность и стирание разного рода различий. В связи с этим коллективная идентификация себя и идентификация другого идут рука об руку¹⁴.

Общепризнано, что идентичность в современных обществах носит множественный характер, поэтому уместно говорить скорее об «идентичностях» во множественном числе, об идентичностях разного рода и масштаба. В связи с этим вопрос о взаимной связи, о сочетании и взаимодействии различных идентичностей становится особенно важным и в социально-научном и в социально-практическом отношении.

Главной проблемой становится то, как соотносятся различные идентичности, насколько гармонично они взаимодействуют, встраиваются друг в друга, включают друг друга. Важнейшее значение приобретает то, как более частные идентичности включаются в более широкие и как более широкие интегрируют в себе более частные. В сегодняшнем мире наблюдается соперничество, конкуренция, борьба идентичностей. Очевидно, что для различных макрообществ, включая российское, главной задачей становится не только конструирование и укрепление общенациональной идентичности, но и гармоническое взаимодействие с другими идентичностями. Собственно, только при условии такого взаимодейст-

---

¹² Правда, это министерство с самого начала его существования подвергается критике со стороны ряда интеллектуалов и политиков за то, что вопросы идентичности соединяются в его деятельности с проблемами иммиграции: это, с точки зрения критиков, является одним из свидетельств расистского и антииммиграционного характера политики правительства Николя Саркози. Последнее, однако, устами министра Эрика Бессонна решительно отвергает эти обвинения.

¹³ См.: <http://www.debatidentitenationale.fr/>

¹⁴ См. об этом, в частности: *Дробужева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 336.

вия и возможно существование современных наций. Речь идет как о внешних идентичностях (Европа, Азия, мировое сообщество и т.д.), так и о внутренних, более частных (этнических, религиозных, региональных и пр.). От того, удастся ли осуществить гармоническое взаимодействие, взаимодополнительность, солидарность между всеми этими идентичностями, причем далеко не только в аспекте текущей политической конъюнктуры, но и прежде всего в долгосрочной социальной и культурной перспективе, в высокой степени зависит будущее страны.

В целом в данном отношении положение в российском обществе и российского общества следует признать достаточно тревожным. В свое время многие политики, публицисты и даже профессиональные эстрадные юмористы иронизировали над обращением Б.Н. Ельцина к согражданам «Дорогие россияне!». Между тем, ирония здесь была совсем неуместна. Общенациональная идентичность россиян сильно уступает другим, более партикулярным идентичностям, таким как семейная или этническая. По данным Н.Е. Тихоновой (2004), с россиянами испытывают чувство общности: часто — 31% респондентов, иногда — 47%, практически никогда — 21%. С россиянами устойчиво отождествляют себя почти в два раза меньше респондентов, чем со своей этнической группой¹⁵. При этом общенациональная идентичность выступает прежде всего не как гражданская, а государственная. Индивиды ощущают себя не столько гражданами, ответственными за свою страну, сколько подданными государства, от которых в жизни страны ничего не зависит. Как отмечается в исследовании сотрудников Левада-Центра, «фрагментация социальных связей, изоляция узких кругов своих сопровождается в России массовым недоверием к социальным институтам»¹⁶. 72% респондентов, по данным исследования 2007 г., считают, что не могут влиять на принятие государственных решений, 80% — что не могут влиять на экономическую и политическую жизнь страны. Подавляющее большинство опрошенных полагают, что за последние 5 лет в обществе стало меньше солидарности, гражданской активности, взаимного доверия и справедливости¹⁷. Уровень социальной апатии и отчуждения от государства в настоящее время дает основание говорить о возвращении «застоя» позднего СССР. Вместе с тем

---

¹⁵ Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2005. С.77, 80. Сходные данные получены в исследовании Л.М. Дробижевой. См.: *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 341.

¹⁶ *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А.* Постсоветский человек и гражданское общество. М., 2008. С. 30.

¹⁷ Там же. С. 31, 33.

макроидентификация с СССР не компенсирована, не замещена другой макроидентификацией, сопоставимой по значению с прежней, советской.

Но и включение в более широкие идентичности, также чрезвычайно важное, нельзя признать успешным. С одной стороны, процесс глобализации, нравится это кому-то или нет, безусловно происходит и в российском обществе. С другой – в отличие от населения ряда других посткоммунистических обществ, россияне не ощущают своей принадлежности ни к Европе, ни к Азии, ни тем более к «Евразии» или СНГ. Эта диффузность, неопределенность идентичности, отсутствие более или менее ясного представления о том, в какое более широкое целое включена страна, частью чего она является, каково ее близкое и дальнее окружение, создает ряд серьезных проблем для будущего развития страны. Наряду с другими факторами это способствует возрождению параноидальных тенденций в массовом сознании, характерных для советской эпохи. Отсюда и постоянная потребность во врагах как факторах коллективной идентичности и преобладание негативной идентичности над позитивной¹⁸.

В настоящее время можно констатировать отсутствие целенаправленной и осмысленной государственной политики идентичности в России. Между тем, учитывая ее громадное значение, она в высшей степени необходима. Необходимы также постоянные и серьезные дискуссии, основанные прежде всего на социально-научном знании и отличные от словесных ристалищ, которыми переполнен телеэфир и которые еще больше снижают общий уровень компетентности общественного мнения.

В конструировании «внешней» идентичности российского общества важнейшую роль должны сыграть «большие традиции»; в конструировании «внутренней» идентичности – культивирование «малых» традиций. При этом важно осознавать, что традиционализм и антииновационная идеология могут выступать как факторы, препятствующие общенациональной идентичности россиян.

Формирование гражданского общества, о котором так много написано и сказано, по-прежнему находится в зачаточном состоянии; в ряде аспектов в этом отношении наблюдается попятное движение по сравнению с 90-ми гг. Ответственность за это несет, конечно, прежде всего политическая власть, которая, подавляя гражданские и демократические институты и свободы, одновременно пытается заменить их разного рода бутафорскими органами и «советами при» для развития гражданского общества. Конечно, бутафорская и медийно-символическая демократия тоже может быть социально полезной. Но наивно думать, что граждан-

---

¹⁸ См. об этом: *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004.

ское общество можно построить без граждан, осознающих себя таковыми, верящих в священность гражданских институтов и прав, ответственных за них, имеющих возможность влиять на социальные институты и готовых отстаивать гражданские права, хотя бы свои. По результатам социологических исследований последних лет, нынешняя ситуация в России, так же как и в эпоху «зрелого застоя», такова, что люди не доверяют существующим социальным институтам. Еще хуже то, что они в принципе не верят в то, что эти институты могут быть иными.

В современном общественном сознании россиян слово «гражданин» чаще всего понимается как «подданный государства», а слова «гражданский», «гражданство» и «гражданственность» — как близкие по значению словам «государственный» и «государственность»; это то, что в английском языке представлено словами «citizen» и «citizenship», а во французском — словами «citoyen» и «citoyenneté». Но гораздо меньше в повседневном, массовом и официальном российском дискурсах представлены те значения слова «гражданин» и других слов с тем же корнем, которые выражают *права индивида, его ответственность, достоинство, благородство* и которые сближают их с понятием «цивилизованный» человек. Это те значения, которые содержатся в английских словах «civil» и «civility» и во французских «civil», «civique» и «civisme» и которые как раз и содержатся в выражении «гражданское общество» (*англ.* «civil society», *франц.* «société civile»).

Разумеется, распространенное в России отождествление гражданской идентичности с государственной или, точнее, сведение ее к последней вызвано не особенностями русского языка. Дело также и не в неких исконных чертах российской, или русской, «ментальности». Если же и использовать в данном случае этот, ставший в последние годы популярным в России термин, то его, по-видимому, следует понимать, во-первых, не как какой-то набор вечных и неизменных характеристик, а явление историческое и вполне изменчивое¹⁹, во-вторых, не как исходную причину, а как следствие и результат.

---

¹⁹ Использование «ментальности» в качестве универсального и (или) конечного объяснительного принципа подобно модным некогда инстинктивистским объяснениям, столь же легким, сколь и мало что объясняющим. Теоретики-инстинктивисты, вроде Уильяма Мак-Дугалла, объясняли войны инстинктом драчливости, урбанизацию — стадным инстинктом и т.п. Для каждого социального явления не составляло большого труда подыскать подходящий инстинкт, объясняющий его. К той же категории принадлежит распространенное обыденное объяснение тех или иных личностных черт или поступков особенностями «характера»: «Тут все ясно: у него (нее) такой характер». В обоих случаях объяснительный принцип призван объяснять все, но не объясняет ничего. Это ключик, который должен открывать все двери, но не открывает ни одной.

Этатизм, патернализм по отношению к государству часто рассматриваются как некая чуть ли не врожденная установка российской ментальности и сквозная традиция, препятствующая модернизации. Но в российском традиционном наследии существует и мощная антиэтатистская традиция, имеющая глубокие корни и продолжающаяся по сей день. В «большой традиции» — это анархистские идеи и социальные движения, представленные, в частности, именами М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. В «малой традиции» — это спонтанный народный анархизм, ненависть к государству и представляющему его чиновничеству, стремление при первом удобном случае навредить им, обмануть их и т.п. Самое главное состоит в том, что и патернализм по отношению к государству следует рассматривать как вполне рациональный и адекватный способ адаптации к ситуации, в которой государственная власть берет на себя все и вся и выступает как тотальность, вытесняющая и поглощающая все остальные институты, в т.ч. институты гражданского общества. Таким образом, данная форма патернализма, будучи традицией, вместе с тем оказывается не феноменом «ментальности», не исходной причиной, фатальной и иррациональной, а следствием определенных институциональных структур, действий и ситуаций, реакцией на них социальных акторов, причем реакцией, опять-таки, вполне рациональной и адекватной.

Помимо прочего, традиции этатизма и патернализма по отношению к государству являются результатом постоянного целенаправленного воздействия государственной власти, заинтересованной в том, чтобы российская идентичность носила прежде всего этатистский характер, а не гражданский. Между тем без гражданской общероссийской идентичности, преобладающей над всеми иными (государственной, частными гражданскими, этническими, религиозными, региональными и другими идентичностями) и более или менее гармонично взаимодействующей с ними, в стране невозможны ни гражданское общество, ни социальная солидарность. А без них в свою очередь невозможно осуществление подлинной модернизации.